

ЯЗЫКОВАЯ СЕМАНТИКА И ТЕКСТ

УДК 811.161.1

МЕНТАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ

В.В. Колесов

Аннотация

В статье рассматривается своеобразие подачи в Словаре Даля наиболее важных с точки зрения русской ментальности и русского сознания концептов. Подробно анализируется содержание концепта *любовь* с учетом соотношения имени и смысла, особенностей русского самосознания. Вносятся некоторые коррективы в толкование этого концепта в имеющихся исследованиях и словарях.

Ключевые слова: Даль как лексикограф, русская ментальность, концепт *любовь*, символ-имя.

«Выше, выше! Подними меня выше...» – просил умирающий поэт молодого Даля. Доктор медицины не сумел помочь Пушкину (рана была смертельной), но всю оставшуюся жизнь Владимир Даль отдал осуществлению **завета: поднимал всё выше и русское слово, и гения** русского слова – Пушкина.

И не он один. Десятки тысяч опрошенных людей, тысячи тех, с кем советовался, и не только русских людей. Нельзя забыть и многих из тех, к которым принадлежал сам Даль по крови – «русских немцев», много сделавших в XIX веке для оформления русской речи.

А.Х. Востоков создал русскую грамматику, по которой в многочисленных её изданиях училось не одно поколение гимназистов. В.И. Даль создал русский словарь, к которому до сих пор обращаются академические лексикографы и любители русской речи. Яков Грот составил канон русской орфографии, позволивший в течение многих лет совершенствоваться и упрощать наше письмо. Даже в области фонетики «сумрачный германский гений» сделал многое. Тонкий слух А.И. Томсона выявил оттенки (аллофоны) русских подударных гласных, а наблюдательность Олафа Брока привела к открытию «второго о» (закрытого *ô*) в русских говорах, что также стало поворотным пунктом в изучении фонемного состава русского языка в его истории. «Германский гений» в своей приверженности к системам, к порядку и всеобъемлемости наличных фактов – **к оформлению сущности** – помог нам сосредоточиться на форме нашего национального достояния – языка.

Но для этого нужно было любить этот язык, этот народ, эту страну, ставшую их Родиной, – и не просто любить, но и желать им лучшей доли. Востоков

мечтал о новгородском «вольном народоправстве», Даль ездил по глухим деревням с докторским саквояжем, Грот помогал слепым. И корень русской гениальности для них был в одном: Даль общался с Пушкиным, Грот его издавал, Востоков свою грамматику основал на текстах Пушкина.

Ещё подробность, нелишняя в суждениях о теме.

Все трое так или иначе приступили к своему делу еще до расхождения русской саморефлексии на славянофильскую и западническую точки зрения. Это были западники, ставшие славянофилами еще до появления западников и славянофилов.

«Нелюбовь русских к форме» (как утверждал Бердяев) поразила их воображение, и они захотели показать миру глубокую сущность русской культуры в тот исторический момент, когда еще только распускались первые почки на древе классической литературы XIX века. Быть может, в этом причина того, что в Петербурге московские метания между Востоком и Западом затихали, как волны в тихом заливе, оформленном крутыми берегами. «Германский гений», которым бредили московские западники, здесь был свой, но сущность смысла, содержательность слова, суть дела у русских тоже были собственные. Вот их-то пронизательно заметили «русские немцы» Востоков, Грот и Даль. Недоставало ли им их или они прониклись неуловимыми особенностями русской ментальности, которую сами русские всегда называли духовностью? Кто знает. Пытаясь раскрыть для себя этот непостижимый феномен культурной жизни народа, ставшего им близким, они предъявили его миру в оформленной целостности и цельности.

То, что русский переживал в себе и сознавал как часть себя самого, им нужно было впитать и в нём раствориться – создав особую форму восприятия, форму выражения сущности, которая не всегда становится явлением. Навязываемая собственную схему на русский «материал» – не станешь русским. А вот форма «питерских немцев» соответствует содержанию русской ментальности. Еще один пример правильного научного исследования, принцип которого таков: форма создает содержание, а **содержание оформляется**. Принцип, ставший ведущим в петербургской науке XIX века.

Даль в этом ряду занимает особое место. Он описал «лексикон народного духа». Тайнственная притягательность его Словаря состоит в том, что это первый у нас словарь ментальности (идеографический словарь). Дело даже не в пословицах и поговорках, обильно сдобривших острым народным вкусом это «лакомое блюдо» (слова Василия Розанова). Они всего лишь иллюстрировали развитие смысла самого слова, данное в Словаре Даля.

Сегодня появилось несколько докторских диссертаций, посвященных русской ментальности в сравнении с ментальностями, отраженными в западноевропейских языках; в своих изысканиях их авторы русские формы ментальности находят в словаре Даля, иллюстрируя свои выкладки. Это возвращение к хорошей традиции: на рубеже XIX – XX вв. интуиция русских философов Серебряного века многое почерпала именно в словарных определениях Даля. Концептуальная логика кристаллизации жизни русского показана в различных (и многих) местах словаря, сжато формулирующих в слове исторический опыт народа. Символ Троицы несомненно предстает здесь направляющим в воссоздании

символических образов, а они даны во многих словарных определениях, потому и изложенных гнездовым способом, что необходимо было эксплицировать динамически внутреннюю связь, например, в концептуальных последовательностях *животъ – житие – жизнь* (потом философски осмыслено Бердяевым), *лицо – личина – ликъ* (философски осмыслено Флоренским), *совестъ – сознание* (у Соловьева) и т. д. Философ, заметил Владимир Соловьев, не делает ничего особенного: он просто выявляет сущность представлений, заложенных в смысле народного слова. Чтобы сдвинуть с места инертную массу русского философствования, дать ей толчок к развитию, потребовалось три издания Словаря Даля, в различной развертке его материалов задавших направление к движению философской рефлексии. Известный факт: третье издание под редакцией И.А. Бодуэна де Куртенэ было встречено русской общественностью именно как разлом ментальности, как распыление цельного тела русского лексикона на отдельные словарные единицы с подстановками под них (в виде определений) значений соответствующих слов западноевропейских языков. **По известной схеме чужеродного свойства.**

Следовательно, суть Словаря Даля в том, что он был не случайно гнездовым, не просто насыщен пословицами, не напрасно построен в определениях как развертывание концепта в его ключевых признаках.

Даля упрекают (еще и современники осуждали) в некоторых отступлениях от научной точности, в словотворчестве и в избыточной многосторонности его взглядов на язык и слово.

«Дилетантизм» Даля в те времена был положительным свойством гения, открытого навстречу концепту, сила Даля – в незамутненности ума предвзятыми «теориями», особенно заимствованными с Запада. Он не формулировал конечный результат, а приближался к цели, давая возможность каждому читателю на основании его материалов воссоздавать свой личный образ словесного знака.

«Многосторонность» Даля – также необходимая черта для изысканий того времени: теперь это называется междисциплинарностью и высоко ценится. Через слово изучая связь между идеей-смыслом и предметом-вещью, Даль должен был связать различные аспекты тогда еще нерасчлененного знания гуманитарных наук.

«Сочинительство» Даля – это его творчество, воссоздание народной русской культуры в её первозданности, реконструкция ментального поля сознания в тот момент исторического развития нации, когда она в крестьянской среде еще сохранялась в полном виде. Не элитарная заносная, а традиционно русская духовная культура. В соотношении *Народное творчество у Даля (пословицы, сказки, песни, им записанные) – Словарь Даля – Народные рассказы Даля* переходом *текст > словарь > текст* диалектически доказано, что формирование самосознания (национальной идентичности) русских происходило в последовательности обобщения *Русь > Родина > русскость* особой фиксацией внимания на вид (*великорус*) при общем коде (*русский – русак*, по Далю (Даль, 3, стб. 1744)). Извлекая слово для словаря из народного текста, Даль затем его же проверяет на собственном «народном тексте».

В центре этой триипостасной сущности стоит концепт *Родина*, также представленный в троичности проявлений: *родины* – родился, *родина* – в семье и обществе проявился, *Родина* – в духовном освещении стал человеком.

Даль, в сущности описывая концепты, исследует их объемно, предвосхищая более поздние разработки ученых (или они, как и философы, увидели это в его словаре?). **Семантический резонанс** слова, данный и отзвучавший в текстах, он накладывал на понятийное содержание словесного знака как на эквивалент концепта. Даль структурирует ментальность в её развитии и в инвариантном исполнении – **обратной перспективе** от слова на реальность (иногда почти телесность) вещи (= объем понятия как денотат) и на идеальность (иногда даже субъективность) её отражения в идее (= в образе как содержании понятия). Это русский реализм в его полном и чистом виде, как он дан в русском представлении: слово как центр субъективной вселенной отражает одновременно и реальный *мир* ‘вещество в пространстве’ и идеальный *мир* ‘лад, согласие’ (Даль, 2, стб. 857) – в оценочно-нормативном изложении.

Такую точку зрения на ментальность толковать «герменевтически», то есть пристрастно, в собственных интересах, весьма опасно, особенно с точки зрения западноевропейского номинализма; именно это сейчас и делают в различных «логических анализах языка», в трупоразъятии словесных шкур. И по научным результатам, и по этическим соображениям это плохо. Гений Даля в том, что он, преодолевая рационализм европейского концептуализма, сумел стать на ту единственную точку зрения, которая являлась органически русской – русский реализм в философском смысле.

Ну, в самом деле, как может понять европеец, что не «память» является основанием мысли, а сердце, которое стучит в твою совесть; не скучный и правильный умник, а дурак с дурацким своим счастьем является эталоном удачи (не успеха, а именно удачи); что не скорбь и тоска обуяет русского как типичное его состояние в минуту беды, а – «задумаемся!» Переложить свои ментальные образы на коренные русские концепты – вот что такое современная «когнитивная лингвистика» в исполнении многих.

Задумаемся...

Словарные определения в Словаре таинственно зашифрованы, но мы **чувствуем** их нераскрытую суть.

Сравните смену этнических идентификаций русскости в разворачивании самой идеи «русскости» (как ее понимают современные исследователи): **язык** как синоним народа (*изидоша неведомии языци*), **земля** как синоним народа (*на том стояла Русская земля*), **государство** как синоним народа (*Русь, Россия, Родина*). Но это ведь коренные признаки нации, как она складывалась веками. И одновременно – историческая последовательность концептуального мышления, а именно: **язык-народ** предстает сопряжением синекдохи, вещно, как часть целого; **земля-народ** – типичная средневековая метонимия в словесном образе; **государство-народ** как законченный символ замещения. Если описание вести изнутри и по сути, то вся духовная история Руси-России может быть описана в терминах данных корреляций. Сравним несколько толкований ключевых концептов.

Академик Ю.С. Степанов концепту *любовь* посвятил много страниц (Конст., с. 418–444), его анализ таков. *Любить* – каузатив, поэтому исходный смысл глагола – ‘вызывать в ком-либо ответное чувство’ к себе любимому (как *поить*, *удить* и т. д.). Но что же, если захочется ‘впасть в состояние желанья’ (Конст., с. 418)? Ситуация вполне возможная. Следует собственная реконструкция: трехфазовость переходов *любити* (влюбить) – *льбнути(ся)* (влюбиться) – *любѣти* (состояние) (Конст., с. 419).

Здесь же являются *лыбиться*, *улыбнуться* и прочие – и окончательный приговор: поскольку материально, в слове, такая трехфазовость не выражена, вообще отсутствуют нужные слова, значит, в русской ментальности присутствует «невыраженность самого концепта *любовь*; в русской культуре концепт *любви* понятийно не развит или целомудренно не обсуждается» (Конст., с. 420, 438).

Проникнемся этой мыслью, но проверим её авторитетными показаниями исторических, ментальных и этимологических словарей.

«Этимологический словарь славянских языков» под редакцией академика О.Н. Трубачева: *любити* – каузатив, но только по внешней форме, на самом деле он издавна «лишен каузативного значения» (ЭССЯ, с. 176); это настолько древний глагол, он отражает настолько древнее состояние, что даже связи с однокоренным **l'ubъ* у него не прослеживается. В этом словаре приведено 68 однокоренных слов, фиксируемых уже для праславянского языка (у Даля их свыше ста). Вот древнейшее состояние души, которое могло изменяться со временем, но в концептуальном смысле сохранялось непорухенным.

Затем с улыбками. Есть жаргонное выражение *он улыбнулся* – умер. То, что Степанову кажется связью с любовью, оказывается её противоположностью. *Лыбиться*, *улыбка* и прочие связаны с другим корнем – *-льб-* (‘голый череп’). Трехфазовость любовного чувства у академика странная, да и последовательность непонятна: сначала в себя влюбить, и только потом уже влюбиться самому (Конст., с. 423)!

Приводятся и другие аргументы в защиту версии – набором случайных фактов со стороны. Например: произношение *любовь* с напряженным *ô* (действительно, исключение) свидетельствует о заимствовании славянами слова (опять-таки: не было у них о любви понятий!). Следует возразить: кроме слова *любовь* еще и слово *кровь* издавна представлено в той же исключительной форме произношения. Есть и параллели: *зрѣхъ* и *смѣхъ* с древнейших времен из числа других выделяются особенностями в ударении, *солнце* и *сердце* – особенностями в словообразовании, и т. д. Такие «исключения» не редкость, они даны всегда попарно в словах с сакральным смыслом, звучание которых необходимо выделить. Даны как особо важные концепты.

А Даль и не скрывает, что слово *любовь* – это символ, и «Этимологический словарь славянских языков» утверждает, что древнейшая форма именительного падежа **l'uby* есть «редкое имя» с основой на **-u* «с абстрактным значением» (ЭССЯ, с. 186) («абстрактное значение» в те времена – это обозначение символа).

У Даля основа словарной статьи – глагол. Глагольность как выражение действия, безусловно, важный признак славянской ментальности. Глагол выражает признаки качеств, настраивая мысль на содержание понятия. Не только исконная форма каузатива у глагола, но и форма винительного падежа у имени

неслучайны: вместо именительного *любы* – винительный *любовь*. Внимание любовного чувства направлено на объект, это не просто личное переживание: любить другого, а не себя в любви.

У Даля глагольные значения определяются: ‘чувствовать любовь’ > ‘сильную к кому-либо привязанность’ > ‘начиная от склонности до страсти’ > ‘сильное желанье, хотенье’ > ‘избранье и предпочтение кого-либо/чего-либо по воле, волею (не рассудком), иногда и вовсе безотчетно и безрассудно’ (Даль, 2, стб. 731). Нет, не «трехфазовость» в схеме «антропоцентричных» представлений современного исследователя, а известная еще древним отцам церкви, да и писателям XIX века, семичленная схема развития любовного чувства от чувства-ощущения через выбор и различные нравственные испытания к полному расцвету страсти.

Символ-имя требует особых комментариев: имя и глагол всегда были разведены в сознании, причем в словесном знаке *любовь* за тысячу лет произошло наложение («ментализация») христианских коннотаций, легко прослеживаемых и в определениях Даля: *любовь* – ‘состоянье любящего’ (влияние со стороны (ἀγάπη) – ‘страсть’ (ἔρως) – ‘сердечная привязанность’ (φιλία) – ‘вожделение, охота’ (ἀνάγκη) – ‘расположение’ (στέργη)). Даль добавляет: «редко употребляется во множ. числе, но тогда не склоняется» (Даль, 2, стб. 732). *Любовь* единственна и не склоняется – это предикаты символа. Вот почему так трудно разбираться современному аналитическому рассудку в символических глубинах ключевого слова культуры, и обращаются к однозначно понятийным варваризмам: *любовь* – а по-русски сказать *секс*. «Любить по-русски» – это не просто секс. А Даль своими развернутыми в образах определениями показывает народное представление о любви: свободный выбор (**либо-либо**) по чувству сердечной привязанности (**любый**) со склонностью к близости (**любимый**).

Для Ю.С. Степанова *совесть* сродни *сознанию*, потому что во французском и английском языках это одно и то же (Конст., с. 777–781), но вот что опять-таки говорит Даль: «Совесть – нравственное сознание – нравственное чутьё», способное различать добро и зло, «тайник души, в котором открывается одобрение или осуждение каждого поступка» и «способность распознавать **качества** поступка», – словом, это «прирожденная **правда** в различной степени развития» (Даль, 4, стб. 351). Вдумаемся: это ведь этическая норма, основанная на историческом опыте, она призывает распознавать все качества внутренним «чутьём правды». У Канта совесть – **не** символ чувства, а понятие долга, связанное «с практическим рассудком» (это скорее классовое понятие чести, чем идеальной совести).

Откроем Словарь Даля и прочтем, что говорит он о таких в нынешней нашей жизни спорных символах, как *счастье* (Даль, 4, стб. 666) или *авось* (Даль, 1, стб. 8), – и увидим: всё, что пишут о них сегодня – подтасовки и прямая ложь. И *счастье* – не личный кусок пирога, выхваченный изо рта другого (а совместная доля во всем), и *авось* – не клич безнадежности, а удалой призыв на действие в таких обстоятельствах, когда, казалось бы, нет никаких надежд на победу – но воля есть, и сила еще осталась.

Замолаживает – вот первое слово, пленившее молодого мичмана российского флота когда-то. *Начинает бродить, бурлит и пенится, поднимается*

на *дрожжах* (Даль, 1, стб. 1507)... Кругом одни символы, и Даль **замолаживал** как бродильный камень в рефлексиях о русской ментальности. В творении Владимира Ивановича Даля мы сохраняем образец ментального словаря, который навсегда останется исходной точкой всякого углубленного исследования сущностных смыслов национально русских концептов.

Summary

V.V. Kolesov. Vladimir Dahl's Mental Dictionary.

The article regards the original presentation in Dahl's dictionary of the concepts most important in the view of Russian mentality and Russian consciousness. A detailed analysis of the content of the concept of love is made with regard to the relation between name and meaning, taking into account the Russian identity. Some corrections are made to the interpretation of this concept in the existing studies and dictionaries.

Key words: Dahl as a lexicographer, Russian mentality, concept of *love*, symbol-name.

Источники

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – Репринт. воспроизведение изд. 1903–1909 гг. – М.: Прогресс; Изд. фирма «Универс», 1994.

Конст. – *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академ. Проект, 2004. – 992 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 15 (**letina* – **lokačъ*) / Отв. ред. О.Н. Трубачев. – М.: Наука, 1988. – 264 с.

Поступила в редакцию
02.03.10

Колесов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета.